

«ВЫРАСТАЯ ДО ПРЕЖНЕГО РОСТА» (о книге Андрея Фролова «Над туманом сад плывёт»)

Стихи – как люди: все разные. И мы к ним относимся по-разному: в какие-то влюбляемся, каким-то симпатизируем, к третьим равнодушны, а к четвёртым настроены критично. Правда, многие из нас сегодня к стихам не относятся никак. А впрочем, это им только кажется – что они не зависят от них. И высказывание «Красота спасёт мир» – не совсем точное. Красота, даже разжигая страсти, давно спасает его. А стихи, вместе с другими видами творчества, вместе с Природой – и есть Красота, которая

Ни границ не знает, ни масштаба.
И в Москве, и где-нибудь в Ельце
Красота – беременная баба
С Божьим откровеньем на лице

К тому же, как говорил Н.А. Некрасов: «В душе каждого человека есть клапан, открывающийся только поэзией». И поэтому невострребованность Поэта и Поэзии в нынешней России удивительна и огорчительна. Такое невнимание обессиливает и делает бескрылыми людей, а, значит, как следствие, – и страну. И это, может быть, страшнее односторонности нашей экономики и ужасной её зависимости от нефти. Ведь если мы жаждем построить что-то вечное, нужно, по крайней мере, чтобы в основании было вечное. Поэзия – вечна.

Конечно, нельзя не замечать и того, что невострребованность поэзии сегодня идёт рука об руку с писательской лихорадкой: если раньше наша страна была самой читающей, то теперь у нас пишут и млад и стар. Я не говорю, что это плохо. Просто забывать нельзя: не каждый пишущий – поэт; не каждая зарифмованная строфа – стихи; и уж тем более: не каждое стихотворение – поэзия... Вот Андрей Фролов – поэт. Меня в этом легко и спокойно убедил его сборник лирических стихотворений «Над туманом сад плывёт». Эта книга, не располагая к веселью, радует. И, несмотря на сказочность названия, она очень даже земная. Да и тумана в ней нет: всё здесь ясно, как в погожий осенний денёк.

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха...
Новый день больших забот
Народился тихо...
Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

«Поэзия – это не веер метафор, а глубина и прозрачность». Слова Карена Джангирова, как нельзя лучше, характеризуют поэзию Андрея Фролова. В ней «всё на русском языке», всё ясно. Тем не менее, хотя и всё понятно, стихи Фролова так и тянет перечитывать. Ведь он пишет не только о себе, но и о нас.

Страсть уходит. Остаётся
Ровный круг тепла и света.
Будто утреннее солнце
В самой середине лета.
Пониманье с полужеста
Молчаливая порука
И спокойное блаженство
От присутствия друг друга.

Читаешь – и понимаешь: перед нами лирик. Но любой лирик является историком своего времени, своего поколения. И в самом деле – по многим стихам Фролова можно будет в дальнейшем изучать и некоторые страницы нашей истории. И если не сами события, то уж точно – настроение народа и его отношение к этим событиям. Поэзия не врёт – в отличие от многих учебников истории.

Эпоха – где уж бесшабашней!
В такой не всякий ко двору.
Стою насквозь позавчерашний,
На злом сегодняшнем ветру.
Холодный ветер, чёрный, бранный
И... он бессилён. Я держусь
За жизнь одной мыслишкой странной:
А вдруг да завтра пригожусь?

Но книга вышла в одиннадцатом году, то есть – то «завтра» уже и наступило и прошло. И что, поэт, – пригодился? По большому счёту?... Об этом-то и речь... А кто пригодился? Кто востребован?... К тому же сегодня в нас не живёт чувство победителя, которое жило в сердцах не только после победного сорок пятого года, но и после побед в мирное время. Откуда взяться такому чувству, если нет общезначимых побед? И этим, а не только простудой объясняется сожаление автора, что «день весенний пролетел/ Без моего участия»... Да, без нашего участия сегодня проходят годы и годы...

Но, продолжая чтение лирических стихотворений Андрея Фролова, мы ещё и ещё раз убеждаемся в том, что они и в самом деле – лирические. То есть – слова для них найдены в сердце, а не в передовицах каких-то газет, не в речах «вождей», определяющих очередную генеральную линию, которая на деле, чаще всего, оказывается кривой – нисходящей кривой. А кривая дорожка – хитрая дорожка:

Издалека домой,
Упруго ставя ноги,
Шёл человек прямой,
Да по кривой дороге.
... Прodelал путь большой
В мученьях и мороке
И... окривел душой...

А наш поэт идёт к своему читателю без хитростей, с открытым лицом, с доверием. Он с любовью и сочувствием относится и к героям своих произведений. Один из разделов в книге так и называется: «Мои портреты». Это, как сказано в аннотации, «любовно выписанные автором, словесные изображения людей обычных и не очень». А открывает эту картинную галерею стихотворение «Отец», в котором чётко прорисованы и обобщены, несмотря на то, что герой картины – конкретное лицо, черты русского, советского человека предыдущего поколения:

То скромн, то бедов,
Но праведн трудами.
Плоды его трудов
Весомее с годами.

И правда – «плоды его трудов» ещё кормят нас и кормят... Вообще, на страницах книги довольно много словесных портретов. Здесь и «Плотник»:

В клубах стружечного запаха
Он заходит в «общепит».
Карандаш заложен за ухо
И навечно там забыт.

Здесь и «Работяга», который «сам себе не знает цену», и «Хозяйка яблоневого сада, которая страшит «пацанву»:

- Вот ужo, кого спымаю,
Ухи-т начисто сорву!..

Из тьмы веков, как лучи, к нам пробилась слова мудреца Сократа: «Заговори, чтобы я увидел тебя». И вот она заговорила, и мы увидели её – совсем не злую, а вместе с ней увидели автора, который умеет слушать и слышать:

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
- Дурна старуха –
Нешто слопать мне одной?

А портрет «Агроном» разве не хорош?
Этот агроном

Просыпался с петухами,
Брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
Отводил плетень,
Понукал – вороны глохли
За пять деревень.

А вот перед нами пастух. Он, зная, что «там в засаде старый волк», думает
Мне бы мясо с молоком
Сохранить колхозу

Сохраняя молоко и мясо, он, заодно, сохраняет и слово – пусть не очень старинное, но – наше: колхоз... А вот словесный портрет другого колхозника, которому совершенно некогда умереть:

Только помирать-то мне когда?

Летом вроде некогда – страда,
А зимой – для правнуков обузно.

А это уже портрет «Дедушка» – с такой концовкой, которая наверняка у многих в памяти воскресит их дедушек, (а так как рядом с дедушками всегда были бабушки, значит, – их тоже):

А большие дедушкины руки
Превращают чурочку в коня.

«Чурочка»! Уйму русских родных слов мы, торопясь то в одно «светлое» будущее, то в другое, успели растерять. Жаль будет потерять и это, воскрешающее так много родного...

Читаем – как бы идём далее – и встречаем сторожа: того, который

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою

И даже слово «колотушка», попавшее в стихи явно не из нашего века, не портит эту картину. А в картинной галерее Фролова есть ещё и «Ворожея», и «Городская», и «Отшельник», и «Кузьмич». А вот – и «Лунатик»:

Отчётливо видимый снизу
На фоне пятнистой луны,
Лунатик идёт по карнизу
И видит чудесные сны.
А каков его «Философ»!
Он затаился, как паук,
Раскинув сеть сомнений –
Неосязаемых наук
Неутомимый гений.

Правда, здесь хочется не согласиться с концовкой: «Несокрушима тишина/ Над мировой пустыней». Ведь в пространстве вращается Земля, а на Земле – мы, и значит, это уже не совсем пустыня. Скорее – полупустыня...

К «портретным» можно отнести и стихотворение «Как дед помирал». Ну, чем не русская сказка!? Собирался, собирался этот дед умирать, а

К ночи слез с печи опять:
- Собирай, мать, ужин

Многим вслед за дедом пора слезать с печи.

А вдобавок к портретам, у поэта есть ещё и «короткометражная лента»: в стихотворении «Съёмки» он рассказывает как его, солдата-срочника, с товарищами снимали в массовке фильма, где наши бились с французами. Ребята изображали французов:

Штабной московский генерал
Безмерно горд за нас.
А я бы русского играл
Правдивей во сто раз!

Как-то невольно приходит на ум то, что и нас всех сегодня заставляют играть чужие роли и ломать комедию...

О, в этой небольшой по объёму книге – много чего. Она тоже – «томов премногих тяжелей». Прочтём стихотворение «Истина»:

Видимый всем за версту,
Еду верхом.
Был на хорошем счету.
Стал – на плохом.
Виден (читай – не прикрыт)
Перед молвой.
Ночью свалили с копыт
Сивку мово.
Я погрустил о коньке,
В травку прилёг.
Не замечаем никем,
Снова – не плох.

Вот она какая – эта истина. Я бы только в название добавил определение – «горькая»: «Горькая истина».

А горького в жизни хватает. Немало ходит по Руси оглоушенных разными перестройками и всякими реформами. И большинство из них – из неприкаянных:

Если спросишь участливо: «Как ты?»
Угловато плечами пожмёт

Да, сами не ведаем – как мы? И, конечно, не в самую светлую минуту поэт выдохнул: «Хорошего в судьбе не так уж много». Но,

отдохнув душой и телом, поосмотревшись, помозговав, он завершил это стихотворение совершенно иначе, хотя изменил в той строке только одно слово: «Хорошего в судьбе не так уж мало». И этот вывод обнадёживает и читателя, добавляя ему сил и заставляя тоже приостановиться, всмотреться в пространство и время и согласиться с этим жизнеутверждающим выводом.

Но – как качели, так и жизнь: то – вверх, то – вниз. И уже герой стихотворения «Один день» - «ждёт привычных потрясений» Здесь даже частушечный, короткостроичный размер вполне уместен: он как бы тоже говорит о привычности, о нашей готовности опять услышать об очередном крушении, пожаре, о затоплении, перестрелке, похищении, гибели... Но, далее, в стихотворении «Мы», поэт делает философско-поэтический вывод, к которому приходят через чащобу лет, через усталость, через «привычку потрясенный»: «Смерть – явление Природы / И не более того»...

Да, в этой книге много чего есть. Например, в стихотворении «Коммуналка», рассказывается не только о «коридорной системе». Здесь, если вчитаться, возникает ассоциация с нашим недавним: вспоминается о совместном проживании «республик свободных» и об их разрыве:

И коммуналка дробится на части
Перещёлком надёжных замков

А в слове «перещёлком», если вслушаться, можно расслышать даже лязганье затворов...

Кстати: здесь, в книге, есть удивительные стихи – в том смысле, что они написаны как бы с оглядкой в нашу не очень давнюю историю, но в то же время – с взглядом в буду-

щее. Автор пытается, если не разглядеть, то угадать грядущее. А может быть, даже предостеречь от возможности такого поворота событий...(Поворота? Или повтора?). Это стихотворения «Смута» и «Царь примерял мундир»:

Убивают холопы царя,
Свято веря в кромешное счастье

Правда, последнюю строку я, естественно – только для себя, поправил так: «Слепо веруя в скорое счастье». Но в любом случае, дай Бог, чтобы это «убивают» оставалось только историей...

Заканчивая обзор книги, мне бы хотелось процитировать стихотворение, первая строка которого стала названием моей статьи:

Вырастая до прежнего роста,
Человек возвращался с погоста.
Шли минуты, и делалось легче,
Распрямлялись ладони и плечи,
Возвращались дела и заботы,
Воскресение шло за субботой,
Всё предельно понятно и просто:
Человек возвращался с погоста.

Сильные стихи? Мне кажется – очень! «Всё понятно и просто» – нам всем пора вырастать до прежнего роста.

Конечно, прочитав книгу, многое забывается. Но – «вы прочитали и забыли. Осталось впечатление. – Это и есть содержание». Не знаю, кем это сказано, но сказано не только красиво, но и в большой степени верно. И ещё – никакой обзор не заменит прочтения книги. Тем более, что об авторе, перефразируя его самого, можно сказать: «Фролов знает дело туго».

До новых книг!

Юрий АСМОЛОВ.